

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Сам себе

ПРИГОВОР

МОСКВА

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Сам себе приговор / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-210376-6

На отдыхе за городом при невыясненных обстоятельствах погибает сын известной телеведущей Аллы Гнедовой Саша. Его отец, основатель крупной телекомпании, скончался несколько месяцев назад. После его смерти Саша стал психически неуравновешенным, часто говорил о суициде. Полковник МВД Лев Гуров не исключает, что молодой человек действительно свел счеты с жизнью: на месте происшествия нет следов борьбы, а у всех, кого можно подозревать в умышленном убийстве, железное алиби... Гуров склоняется к этой версии, пока случайно не узнает семейную тайну несчастных телевизионщиков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210376-6

ГЛАВА 1

Небольшой круглый бокал был почти пуст. Маша держала его так, чтобы через толстые стеклянные стенки было видно заходящее солнце. Оно уже не било в глаза, но девушка все еще не сняла солнцезащитные очки. Отдав весь свой жар прошедшему дню, светило по вечной традиции превращало каждый вечер в незабываемое прощальное шоу, которое, хотя никогда не меняло своего названия, всегда было разным. Сегодня закат был особенно прекрасен. Возможно, потому, что завтра Маша уже не сможет увидеть его во всей красе: он пропадет за небоскребами.

— В Москве такое великолепие можно наблюдать разве что частично, а это уже не то, — задумчиво произнесла Маша. — Как же быстро летит время. Не понимаю, ребята. Вот объясните мне. Кажется, только вчера заселялись, устраивались, а сегодня

уже прощаемся со всем этим. Ну вот сколько мы здесь?

— Неделю, — лениво отозвался Гуров.

— Всего лишь неделю? — подхватила Маша. — Или целую неделю?

— Кому как.

— Такое ощущение, что прошла всего пара дней, — заключила Маша.

— Время — понятие относительное, — сказал Стас. — Мы с твоим мужем, Маш, даже отпусков не замечаем. Начальство дергает по каждому поводу, дела всякие найдутся. Выспаться и то не успеваешь. Да и отпуск чаще не по графику, а как получится. Эх, Гуров, — насмешливо взглянул он на друга, — это ведь горе от ума, скажи? Вот так вот, Маш, не будь твой муж крайне востребован в профессиональном плане, жизнь твоя была бы проще.

— Скромный ты наш, — не удержался Гуров.

— С моей-то профессией? — усмехнулась Маша, посмотрев на Стаса. — Жизнь, говоришь, была бы проще?

— Точно, и тебе не позавидуешь, — щелкнул пальцами Стас. — Как-то из головы вылетело, что ваше семейство не в курсе, что такое спокойные вечера у телевизора. А во сколько сегодня сбор? В восемь?

— Ровно в двадцать часов. Скоро уже собираться, — вздохнула Маша.

— Ой, да чего там собирать-то? — «проснулся» Гуров. Прежде он в диалог не вступал, даже глаза прикрыл. Ленился сыщик на вполне законных основаниях: отпуск же. Но слова жены о предстоящих сборах его развеселили. — Я тебе еще раз говорю: одной сумки на двоих вполне бы хватило. Но нет, понеслась актерская душа в рай. Слышишь, Стас? Вот ты много вещей с собой взял?

По лицу друга расплылась довольная улыбка:

— Это не я чемоданы собирал, а Наталья.

— Вот именно: чемоданы. И я о том же, — заключил Гуров. — Мы с тобой, помнишь, в Красноярск ездили? Там еще заказное убийство хотели прикрыть аварией, когда на дорогу якобы выбежал взбесившийся лось?

— Лось до сих пор икает, хотя его там и в помине не было, — вспомнил Стас. — А так-то да, путешествие было не из курортных. Поселили в какую-то землянку, а кормили как в ресторане. Век не забуду. Я оттуда привез превосходнейший гастрит. Раньше и не знал, что такой зверь существует. Но ничего вкуснее того доширака

я больше не ел. Морозы какие стояли, помнишь, Гуров? Домой придешь, а ноги будто бы вместе с ботинками отстегиваются. А ты лапшичку кипятком зальешь да ее с кусочком черного хлебушка, да с зеленым лучком, да с сырком плавленным...

Стас прикрыл глаза, сомкнул указательный и большой пальцы и провел в воздухе плавную линию, изобразив на лице удовольствие.

— Не в землянке, а в общежитии мы жили, — поправил друга Гуров. — В отеле не нашлось свободных номеров — нас и поселили в общежитие при юридическом институте.

— Ой, да какая разница, — отмахнулся Стас. — Я тогда гастроскопию впервые в жизни сделал. Врагу не пожелаешь.

— Ты подожди пока про гастрит, — перебил его Гуров. — Багажа-то у нас много с собой было?

— Да чего-то там... рюкзак, что ли... — почесал затылок Стас. — Ну да, черный мой, с синими вставками. Да и у тебя что-то подобное.

— Спортивная сумка плюс верхняя одежда, — напомнил Гуров. — И все это на несколько недель напряженной работы. А ведь тогда стужа стояла, мама не горюй. Пробыли мы там полтора месяца. Простирнуть белье

в ванной — дело пяти секунд, остальное носилось вполне аккуратно, так что выглядели мы весьма презентабельно. Никаких чемоданов, ничего лишнего. И не жужжали!

— Ой, все, — махнула рукой Маша. — Сравнил ухо с пальцем. Вы, мужики, вполне обойдетесь, а женщинам нужно немного больше. Я не про деньги, я про выбор. Думаешь, я с собой привезла сюда все свои вечерние платья и пять пар обуви?

— А то нет?

Маша подалась вперед, уселась в пляжном кресле так, чтобы видеть лицо мужа.

— А ну-ка, сыщик, проверим твою наблюдательность. Во что я была одета в течение недели? Много новых шмоток ты на мне увидел?

Гуров хотел было ответить, но слов не нашлось. Он не помнил, во что была одета его жена не то что неделю назад, но и сегодня утром. Вместо этого он издал короткий утробный звук, дальше которого ничего не последовало.

— Вот так-то, — заключила Маша. — Взяла самое необходимое.

— В трех экземплярах, — Гуров не хотел сдаваться.

— Не посрами честь! — радостно воззвал Стас к другу. — Даже я помню, что на

твоей жене в день приезда с утра была футболка с цветком на спине и джинсы, а вечером она пришла в ресторан в синем платье и серых тапочках.

— Балетки это, е-мое! — расхохоталась Маша. — Ну что, Лев Иванович? Память потерял?

— Не царское это дело, — Гуров вальяжно развалился в кресле. — Ерундой не занимаюсь. Будь ты подозреваемой, то вопросов бы не возникло.

— Дай пять, Мария, — протянул руку Стас, и Маша хлопнула по его пятерне ладошкой, после чего снова повернулась к мужу. — Стыдно, батенька? Стыдно тебе?

— Надо Наташку проведать, — вспомнил Стас, поднимаясь из кресла.

Наташка, о которой вспомнил Стас, являлась его законной боевой подругой. Она, как и Маша, когда-то решила связать свою жизнь с самым настоящим полицейским и за всю жизнь ни разу не пожалела. А так как Лев Иванович Гуров и Стас Васильевич Крячко вот уже много лет являлись коллегами и хорошими друзьями, носили одинаковые полковничьи погоны, а иногда даже понимали друг друга с полуслова, то стоило предположить, что семьями они тоже дружили и, если у всех совпадали рабочие гра-

фики, иногда вместе выбирались на выходные. Чаще всего они выезжали на дачу супругов Крячко. Маша настолько облюбовала ее веранду, что даже перевезла туда часть посуды, которой они с мужем не пользовались дома.

Но этим вечером Натальи рядом с отдыхающими не было. Она еще утром почувствовала себя простуженной и большую часть дня провела в постели, попросив остальных забыть о ее существовании.

— Отлежусь, а к вечеру воспряну, как из пепла, — прокашляла она, провожая мужа и друзей на улицу. — Последний звонок не пропущу, обещаю.

Стас ушел, оставив Машу и Гурова одних. Они допили свои коктейли и молча наблюдали за людьми, высыпавшими на улицу, чтобы отдышаться после жаркого дня. Завтра утром все постояльцы должны будут освободить занимаемые номера, которые быстро приведут в порядок смешливые горничные и в которые уже к полудню нагрянут новые отдыхающие.

Местечко, которое пригрело Гуровых и Крячко, нашлось совершенно случайно. Начальник дежурной части на Петровке, 38, во время совместного перекура с Гуровым восторженно отзывался о небольшой, но

очень уютной базе отдыха, откуда недавно вернулся его сын с семьей.

— Час езды от Москвы, а я о таком райском месте даже не слышал, — рассказывал он. — Там раньше была турбаза, потом ее почему-то закрыли, а недавно она снова заработала. Правда, туризмом там теперь и не пахнет — просто отгороженное от остального мира пространство. Несколько жилых домиков, ресторанчик, выход в лес... И все это на берегу реки. Можно в лесу прогуляться, можно поплавать или отдохнуть в баре. Само собой, если ты с ребенком, как мой Серега, то и для малышни дела найдутся. За отдельную плату с ними поиграют, порисуют, домик соорудят из чего попало — благо в лесу и шишки найдутся, и другой строительный материал. А родители в это время спокойно проводят время. Интернет там отличный, есть небольшая библиотека, куда вообще никто не ходит, а вечером можно в караоке попеть или на лодке прокатиться. Кормят вкусно, по-домашнему. Мои, например, запросто на завтрак кашу ели, но не простую, а запаренную. И это в ресторане подают, между прочим. У снохи проблемы с желудком плюс маленький ребенок, вот они и попросили повара отдельно для них

приготовить, а тот даже не возразил. Никто тебя не побеспокоит, если сам не попросишь. Кого-то там у них пчела ужалила, так ему в медпункте сразу помощь оказали. Давление измерить, то-се... Рыбалка, правда, запрещена, зато сами и рыбу, и мясо готовят — шашлыки подают великолепные! То есть все условия. Недалеко, кстати, пасека, туда ведет тропинка через лес. Ферма еще есть, кажется. Так что до цивилизации можно дойти за полчаса. Сын говорит, хозяева там душевные, даже подружился с ними. И, главное, за неделю денег отдали не очень много, что при сегодняшних ценах удивительно.

Гурова предложение заинтересовало. Обычно они со Стасом не имели возможности уйти в отпуск одновременно, поэтому отдыхали отдельно друг от друга и при этом ни разу не отгуляли свой законный до конца. За последние два года ситуация стала еще более напряженной, так как на службе образовался хронический завал, поэтому оба то переносили, то отменяли отпуска, конечно, нарушая график, что неизменно приводило в тихую ярость начальника отдела кадров и бухгалтерию. Но недавно генерал-майор Орлов, общий начальник Гурова и Крячко, разрешил-таки отчалить обоим одновре-

менно, но с обязательным условием явиться сразу, если это будет нужно по работе.

— Идите, а я сразу после на больничный уйду. Всех вместе в отпуск никто непустит.

На том и порешили.

Разговор о базе отдыха, о котором Лев Иванович быстро забыл, Крячко принял к сведению, все быстренько разузнал и предложил провести недельку в прекрасном медвежьем уголке.

— Жена гонит на дачу, а я ее видеть не могу, — признался Стас. — Не отдых, а проклятие. Посмотри на мои руки, Гуров. Это руки крестьянина. У меня и походка уже изменилась. Нет, больше не могу. Срочно нужно что-то свежее и недорогое. Как там эта база отдыха называется? Как думаешь, остались там еще места? Если да, то бронировать?

Гуров в ответ только посмеялся. Какая уж бронь за пару дней до прибытия? Но Стас объяснил, что турбаза работает вахтовым способом. В понедельник происходит заезд гостей, а в воскресенье — бурное прощание. Если понравилось, то оставайся еще на неделю: платишь ты сразу за семь дней, даже если живешь двое суток. И бронь принимается не заранее, а сразу после отбытия предыдущей партии туристов, поэтому

места расхватывают как горячие пирожки. Такая система оплаты поначалу показалась Льву Ивановичу жесткой и неудобной: обычно количество дней отдыхающий выбирает сам, а тут — ни шага в сторону. Но невысокая стоимость проживания переубедила Гурова, к тому же у Маши вдруг выдалось окно, и, пораскинув мозгами, Лев Иванович дал Стасу добро.

В итоге отдых выдался очень даже неплохой, а местечко оказалось еще и с историей. На небольшой туристической базе, основанной еще в семидесятых, собирались в основном любители пеших походов. Единомышленники могли уйти в лес с ночевкой на несколько дней, а после отмокать в турбазовской баньке либо ночами напролет философствовать у костра. Удовольствие было недорогим: все, включая экипировку и алкоголь, гости привозили с собой, а чужих среди завсегдатаев не наблюдалось. Но наступило время перестройки, и вместо бородатых балагуров с гитарами на базе появились «новые русские». Они арендовали территорию сразу на несколько дней и приезжали на «мерседесах», под завязку набитых визгливыми подружками и ящиками с элитным алкоголем, а иногда появлялись и чисто мужской компанией, чтобы поре-

шать свои бандитские дела. После некоторых визитов местные жители натыкались в лесу на то, от чего кровь стыла в жилах: избавляться от неудобных, вывозя их в лесополосу, в то время было в криминальных кругах делом обычным.

В середине нулевых турбаза благополучно загнулась. Бандитов как ветром сдуло, а возвращать красивое место к жизни желающих почему-то не нашлось. У администрации денег не было, а из бизнесменов никто вкладываться в гиблое дело не хотел. Ну кто сейчас отдыхает на турбазах? В основном люди едут на моря, в Турцию, Египет, Хорватию. На худой конец, в Крым. Турбаза постепенно превращалась в проходной двор. Деревянные постройки пришли в запустение и стали разрушаться, немногочисленные остатки мебели растащили дачники. Когда-то ухоженную территорию постепенно загадили мусором местные бродяги и маргиналы. Они же поместили ее черными пятнами выжженной земли, пострадавшей от костров. На пляж течение выносило тонны мусора, а в реку тогда не плевал только ленивый. Дважды на опустошенной набегам проходимцев земле случались пожары, и оба раза огонь чудом не добрался до обветшалых бревенчатых домиков. Административному корпусу, правда,

повезло меньше: в этой большой постройке чаще всего селились бомжи. Там полностью выгорели пол и крыша. Очевидно, что корпус поджигали умышленно, может быть, и не думая о каких-то серьезных последствиях, а вышло — как вышло.

А потом появились Инна и Егор Онегины.

Откуда родные брат с сестрой, всю жизнь прожившие в Москве, узнали о печальном положении дел — история умалчивает. Однако зачем-то Онегины решили выкупить никому не нужный участок земли и... возродили это чудесное место. Заручившись поддержкой нынешнего руководства района, за несколько лет новые хозяева сумели восстановить если не прежний, то весьма цивилизованный внешний вид турбазы. Они облагородили территорию, отремонтировали избушки и привели в божеский вид речной пляж. Здесь появились детская площадка, небольшой теннисный корт и пункт проката, где можно было разжиться резиновыми сапогами, непромокаемыми куртками и даже специальными рюкзаками для лесных походов. Один из корпусов отдали общепиту. Заменяли уличные деревянные туалеты на нормальную канализацию. Возвели высокие надежные стены из бетона, вместо ржавых

гнутых ворот поставили новые и даже провели к ним подъездную дорогу от автотрассы. На праздник, посвященный открытию обновленной территории отдыха, пригласили администрацию района и жителей окрестных населенных пунктов, с которыми планировалось заключить договоры о поставке в ресторан свежего мяса, молока, куриных яиц, сезонных фруктов и овощей, меда. А назвали турбазу «Онегин» в честь тех, кто вернул это место к жизни. Раньше она была «Лесной», но об этом названии уже мало кто помнил.

И пошло дело. Клиенты прибывали круглый год. Зимой приезжало много лыжников, порой ехали целыми семьями. Иногда проводились новогодние корпоративы. В межсезонье большинство гостевых домиков пустовало, но летом клиентов было под завязку. Некогда заброшенное место с полуразвалившимися строениями постепенно превратилось в оазис для желающих отдохнуть недалеко и недорого.

Когда Инна и Егор поняли, что жить в Москве, а работать за ее пределами сложно и дорого (за бензин Онегины никогда за всю жизнь столько не платили), они окончательно перебрались из столицы на новое место жительства. Для этой цели владельцы дома отдыха переделали второй этаж адми-

нистративного корпуса под жилые помещения, где и устроились с полным комфортом. Теперь путь от дома до работы измерялся не временем, проведенным в дороге, а количеством ступеней одного лестничного пролета.

Обо всем этом и не только Егор и Инна Онегины охотно рассказывали постояльцам. Их простота и открытость нравились всем. Даже Стас Крячко и Лев Гуров, как-то так вышло, сразу нашли с ними общий язык. За всю неделю пребывания в раю ни у кого не нашлось претензий друг к другу, чего нельзя было сказать о других гостях, которые мотали нервы не только Онегиным, но и своим соседям.

Вообще народу здесь было не так уж и много. Например, молодая семья Лосевых, состоявшая из очень спокойного папы Геннадия и усталой мамы Лены, то и дело терявшей их общего сына Виталика, который не знал, что такое сидеть на месте. На девушку-аниматора он не обращал никакого внимания, и она скоро бросила попытки хоть чем-то увлечь малолетнего балбеса. Пацану было пять лет, и, как принято у детей его возраста, он постоянно занимался исследованием всего, что попадалось ему на глаза. Как быстро и насколько глубоко можно зайти в воду, пока родители тебя не видят? Как долго можно не

дышать? Что за жук бегает по воде и не тонет? Каков он на вкус? Почему нельзя ночевать на пляже? А почему нельзя остаться на ночь в лодке, привязанной к столбику, вбитому в землю? Ну и что, что лодка в воде — она же не уплывет? Зачем нужно завтракать, если не хочется? Почему нельзя зарыться в песок с головой и напугать того, кто на тебя наступит? Вопросов к окружающему миру у Виталика было столько, что он не утруждал себя ожиданием ответа от других: он просто брал и делал то, что ему хотелось делать. Не спрашивая разрешения, не ища одобрения и вгоняя в ужас мать, которая, как показалось Гурову, ни разу не присела за всю неделю. Он постоянно видел ее фигурку. Мать непрерывно искала сына. Интересный момент: отец ребенка вообще не задумывался о том, куда в очередной раз рванул его отпрыск, и просил жену «успокоиться и отстать от мальчика, который наконец-то вырвался на свободу». Мама Лена пыталась, но надолго ее не хватало. В итоге в финале отпуска Гуров поймал себя на том, что уже против своей воли осматривается в поисках неугомонного Виталика, и если того нет рядом, то и сам начинает беспокоиться.

— Гуров, парень здесь с родителями, — напомнил ему однажды Стас. — Забудь о работе, отдыхай.